

11. Халтрин-Халтурина, Е. В. Диптих С. Т. Колриджа «Кристабель» и мильтоновские традиции / Е. В. Халтрин-Халтурина, С. Т. Диптих — Изв. РАН. Сер. Лит. и яз. Том 67. — № 6 (2008). — С. 24–37.

Оксана Разумовская (Москва)

РЕВИЗИОНИСТСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ РОМАНА ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

Роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» относится к числу произведений, которые обладают уникальным статусом в литературном мире. Он принадлежит к условному и зыбкому объединению текстов под названием «классика», знаменуя собой важнейший этап в развитии английского (и шире, европейского) романа, и в этом качестве уже более полутора столетий вдохновляет филологов на новые исследования и открытия. Одновременно «Джейн Эйр», фактически, является самым популярным и признанным во всем мире «женским» романом. Являясь источником в разной степени удачных повторов, подражаний и вариаций, шедевр Шарлотты Бронте продолжает свое литературное существование на границе беллетристики и массовой литературы. Он отмечен особой жанровой и стилистической универсальностью, которая позволяет рассматривать его в контексте различных исследовательских концепций: как часть викторианской культуры — и как оппозицию ей; как развитие готической, романтической, сенсационной парадигмы — и как предтечу литературы массовой, беллетризованной, а также сугубо «женской». Свидетельством уникальной «переводимости» романа, его востребованности в современной культуре стало значительное число его переделок и подражаний, которые эксплуатируют в высшей степени романическую сюжетную формулу: любовь бедной гувернантки к богатому аристократу.

Немало романов англоязычных авторов конца XX — начала XXI в. было написано как ответ на произведение Бронте или его «переписывание». Одной из первых свою реплику в этом литературном диалоге озвучила Джин Рис своим романом «Широкое Саргассово море» (*Wide Sargasso Sea*, 1966), в котором излагалась история жизни Берты, первой жены Рочестера, до ее переезда в Англию.

Роман Джин Рис получил особый статус в литературном мире. Выступая в качестве приквела к событиям, описанным Шарлоттой Бронте в ее знаменитом шедевре, «Широкое Саргассово море» при этом обладает и собственной художественной значимостью, так как подвергает пересмотру не только сюжетные линии текста-источника или характеры главных героев, но и полемизирует с той системой ценностей, которая породила «Джейн Эйр». Родившаяся в Вест-Индии Джин Рис выступает против расовых и социальных стереотипов, касающихся обитателей британских колоний, и ставит под сомнение нравственное превосходство самих колонизаторов. Кроме того, писательница стремится преодолеть бинарный антагонизм викторианских взглядов на женскую сущность. Ее героиня далека от идеала, так как обладает сложным, противоречивым и неуравновешенным характером, однако она не является тем чудовищем,

которым Берта предстает в глазах читателя «Джейн Эйр» («*Что это за существо, которое, приняв облик обыкновеннейшей женщины, так непостижимо меняло голос? То это был насмешливый демон, то дикий коршун, терзающий падаль*», пер. В. Станевич).

Джин Рис наделяет героиню правом голоса, и вместо безумного хохота или зловещего бормотания, тревожившего покой Джейн Эйр, мы слышим полный неподдельного страдания рассказ о тревожном детстве, разорении семьи, смерти брата. Повествование Берты (в романе Рис — Антуанетты) отчетливо обозначает размах семейной трагедии, рисуя вырождение когда-то богатой и состоятельной семьи ямайских плантаторов. С первых же сцен очевидно, что безумие будущей миссис Рочестер — не только наследственное, но еще и неотвратимое, т. к. является следствием пережитых в детстве и юности травм, унижения, болезненных разочарований. Навязанный Антуанетте брак с равнодушным к ней англичанином и отъезд на его далекую и холодную родину усугубляют развитие болезни. Героиня «Саргассова моря» — ранимая, болезненно одинокая молодая женщина, чьей жизнью манипулируют окружающие ее мужчины: брат, отчим, муж, а сама она лишь повторяет судьбу своей матери. Для Шарлотты Бронте Берта была, в первую очередь, препятствием между Рочестером и Джейн, необходимым по сюжету для познания героями глубины собственных чувств в процессе преодоления испытаний. Кроме того, ее зловещий образ, хохот по ночам, нападение на Рочестера и Ричарда Мейсона создавали в Торнфилд-Холле готическую атмосферу и позволяли выгодно оттенить стойкость и здравомыслие Джейн в неординарных ситуациях.

Кроме статуса миссис Рочестер, принадлежавшего в разное время обеим героиням, у Бронте ничто не наводит на мысль о сходстве двух образов. Джин Рис, напротив, акцентирует параллелизм жизненных линий Джейн и Берты: трудное, одинокое детство, неприятие родных и окружающих, отсутствие семейного «гнезда», независимый характер, богатое, подчас даже болезненное воображение, при этом склонность к самоанализу и рефлексии (которая у Берты ослабевает по мере развития болезни). Рис даже заимствует небольшую, но красноречивую деталь из оригинального текста для усиления сходства: в доме миссис Рид Джейн бьет сын хозяйки Джон, разбивая девочке лоб. С Бертой происходит аналогичный эпизод — в нее кидают камнями местные дети. Утешают обеих посторонние им люди. Стремление Джин Рис сопоставить двух героинь подчеркивается автобиографической, как и у Бронте, формой романа.

В диалоге Рочестера и Антуанетты звучит реплика, которая, взятая вне сюжетного контекста, позволяет объяснить сам факт появления ревизионистских переработок классики: «Другая сторона существует всегда». В «Джейн Эйр», как и во многих других произведениях мировой литературы, приоритет сюжетных линий и система персонажей выстроены в соответствии с идеей и замыслом автора, однако романский материал почти всегда содержит некий неизрасходованный остаток, обладающий потенциалом развития. Это дает возможность самым творчески одаренным читателям додумывать, а самым

дерзким сочинителям дописывать или переделывать уже существующее чужое творение. В случае с романом Бронте сложно сказать, вдохновляет ли беллетристов слава первоисточника или успех его «неавторизованного» продолжения.

Тексты, основанные на сюжете «Джейн Эйр», обращаются к тем персонажам или ситуациям, которые не были достаточно освещены в самом романе. При этом основная идея ревизионистского прочтения — показать истинный характер произошедших событий, т. е. уличить автора оригинального текста в замалчивании, искажении сюжетных «фактов» или простительном для его эпохи, но нуждающемся в корректировке «заблуждении». Например, Эмма Теннант, автор одной из самых известных переделок (*Thornfield Hall: Jane Eyre's Hidden Story*, 2002), в предисловии приводит цитату из оригинального романа, где описываются отношения Джейн и Адель после свадьбы бывшей гувернантки с Рочестером. Автор современного «римейка» выражает сомнения в том, что подобное уважительное и дружелюбное общение между Джейн и ее воспитанницей, а затем падчерицей, возможно, поэтому ставит задачу разобраться в «истинной» природе чувств двух женщин друг к другу и к Рочестеру. Результатом подобного прочтения становится сенсационно-разоблачительный римейк, в котором Адель поначалу ненавидит свою гувернантку, видя в ней препятствие к воссоединению своих родителей, зато дружелюбно общается с Бертой, которая (видимо, в соответствии с «легендой» романа Джин Рис) вовсе не безумна. В духе самого «ходового» бульварного чтива, в романе Э. Теннант присутствует жестокое убийство, разлученные близнецы и роковая тайна, касающаяся Селин Варранс, а не Берты Мейсон.

Как и Джин Рис, Эмма Теннант попеременно доверяет повествование различным персонажам, включая Грейс Пул — очевидно, в качестве воплощения стихийно сформулированного автором «Широкого Саргассова моря» принципа о «другой стороне». Однако современники Эммы Теннант не были убеждены всесторонностью освещения событий в романе, поэтому римейки «Джейн Эйр» продолжали появляться.

Французская линия сюжета привлекла также Клэр Мойз, чей роман «*Adele, Grace and Celine: the Other Women of Jane Eyre*» (2009) пронизан мелодраматическим пафосом. Роман построен как переписка Селин и Грейс Пул. Мать Адель отправила девочку в Англию в надежде, что Рочестер даст ей образование и положение в высшем свете, однако материнские чувства берут верх, и Селин находит возможность следить за жизнью дочери, получая письма от Грейс Пул. Роман также можно считать условным сиквелом оригинального текста, так как его события простираются до Первой мировой войны, во время которой Адель работает медсестрой.

Другие сиквелы сосредоточены на судьбе детей Рочестера и Джейн. Писателей привлекает идея заглянуть за сюжетную границу, обозначенную самой Шарлоттой Бронте при помощи знаменитой фразы «*Reader, I married him*» (глава 38). Современные авторы скептически относятся к возможности семейного счастья Джейн и Рочестера, о чем спешат заявить в собственных версиях этой истории. Элизабет Ньюарк в романе с исчерпывающим названием *Jane Eyre's Daughter* повествует не столько о жизни четы Рочестер, которая

вместе с сыном уезжает в Вест-Индию, сколько о злоключениях их дочери Дженет, вынужденной делать выбор между двумя поклонниками.

Хилари Бейли, чьей специальностью являются литературные переработки классических произведений («Невеста Франкенштейна», «Кассандра, принцесса Трои»), больше заинтересована в том, как изменилась жизнь Джейн после свадьбы. В романе «Mrs. Rochester: The Sequel to Jane Eyre» (1997) Торнфилд-Холл восстановлен из пепла, и это возвращает к жизни давние кошмары и призраки прошлого. В этой версии у Джейн есть сын, Джонатан, и она ждет еще ребенка, которому не суждено родиться. В романе снова появляется «колониальная» линия, так как Рочестера шантажирует сестра покойной Берты. Очевидно, «Миссис Рочестер» Бейли служила одним из источников вдохновения для Эммы Теннант, т. к. в этой версии Адель тоже ненавидит свою мачеху и надеется на воссоединение Рочестера с Селин. Реабилитация образа Берты и перенос демонических черт на других персонажей — Адель, Селин, Грейс Пул, Бланш Ингрэм и даже миссис Фэрфэкс — составляют одну из отчетливых тенденций англоязычных римейков.

Отдельная группа переделок посвящена жизни, характеру и чувствам мистера Рочестера («Rochester. A Novel Inspired by Charlotte Bronte's Jane Eyre» (2010), автор Дж. Л. Ниман; «Jane Eyre's Husband. The Life of Edward Rochester» (2011), автор Тара Брэдли; «The Memoirs of Edward Rochester» (2011), автор Кен Джонс). Основные тенденции этой группы римейков — раскрытие богатого и многогранного внутреннего мира главного героя, пересмотр его прошлого и обнаружение новых зловещих секретов, добавление неожиданных сюжетных поворотов.

Образ самой Джейн Эйр, каким бы художественно завершенным он ни вышел из-под пера Шарлотты Бронте, не избежал общей участи: романы «Jane Rochester» Кимберли А. Беннет (2000), «I am Jane Eyre: The Untold Story» Теаны Роулэнд» (2010), «дорисовывают» различные грани характера и повороты судьбы героини.

Переписывание романа Ш. Бронте превращается для представителей беллетристики и бульварной литературы в изоцированную и зачастую азартную игру, правила которой лишь условно соотносятся с постмодернистской практикой литературной деконструкции. Авторы современных вариаций романа не стремятся иронически или пародийно дистанцироваться от текста-источника, не пытаются травестировать жанр или сюжет (за исключением эротических версий). Напротив, они пытаются создать иллюзию, или, скорее, имитацию диалога с создателем исходного текста, искусственно и не всегда успешно воссоздавая стиль оригинала и псевдовикторианскую атмосферу в своих произведениях.

Количество и разнообразие текстов, написанных по мотивам романа Шарлотты Бронте, столь велико, что переросло границы обычного «фандомного» движения и превратилось в своеобразный гипертекст, который служит развернутым комментированным переводом романа-источника на язык современной массовой культуры.

Литература

1. Bronte, Charlotte. Jane Eyre / Charlotte Bronte. — Hertfordshire, 1999.
2. Rys, Jean. Wide Sargasso Sea / Jean Rys. — London, 1998.

Светлана Хоха (Гродно)

ГИПОТЕЗА О ТРАГИЧЕСКОМ БУДУЩЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПОВЕСТИ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»

На протяжении моей жизни я не раз бывал потрясен и оглушен, узнавая, что мы, люди, можем проделывать друг с другом... И если я убеждаюсь в том, что человечеству больно, то это и занимает все мои мысли. Я ищу эту болезнь и нахожу ее в самом доступном для меня месте — в себе самом. В себе я узнаю особенности нашей общей человеческой природы, которую мы должны понять, иначе ее невозможно будет удержать под контролем. Вот почему я и пишу со всей страстностью, на какую только способен, и говорю людям: смотрите, смотрите — вот какова она, природа самого опасного из всех животных — человека, вот какой я ее вижу.

Уильям Голдинг

Творчество Уильяма Голдинга представляет одну из интереснейших страниц современной мировой литературы. Писатель является лауреатом Нобелевской премии по литературе 1983 г. «за романы, которые с ясностью реалистического повествовательного искусства в сочетании с многообразием и универсальностью мифа помогают постигнуть условия существования человека в современном мире» [2]. Произведения Голдинга вызывают живой отклик как среди литературоведов, философов, лингвистов, так и среди огромного круга читателей. Его проза относится к шедеврам мировой литературы, достоинства которых изучают и будут изучать многие поколения. Уильям Голдинг не только оригинальный писатель, но и философ, и психолог, умеющий воздействовать на умы и сердца современного человечества. Для одних современное прочтение Голдинга будет открытием, для других — повторением важнейших истин о человеке. Книги писателя, с его мастерским владением искусством открытого финала, заставляют думать и спорить. Этот спор очень тягостный и болезненный, так как затрагивает сложные проблемы человеческого бытия, но без осознания этих проблем немислимо само существование человека в современном тревожном мире.

У. Голдинг считает, что человек по своей природе зол: *«I am very serious. I believe that man suffers from an appalling ignorance of his own nature. I produce my own view, in the believe that it may be something like the truth. I am fully engaged to the human dilemma but see it as far more fundamental than a complex of taxes...»*. («Я очень серьезен. Я верю, что человек страдает от ужасающего невежества собственной природы. Я выражаю свою собственную точку зрения в надежде на то, что она хоть сколько-нибудь похожа на правду. Я совершенно